

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА — ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Взрослый европеец 30–40 лет назад и сейчас — это люди из разной реальности. Но в учебниках истории за указанное время изменилось не столь много, если брать историю Европы до второй половины XX века. Школьные учебники в странах на пространстве от «Лиссабона до Владивостока» по своей сути — продукты одной рамочной культурной матрицы, пусть, возможно, самой многоликой и противоречивой в мире. Культура — одна из граней «длинной истории», истории структур, которые меняются крайне медленно. Человеческое поведение и восприятие мира никогда не поспевали за темпом технологического развития. Тем более это относится к идентичности каждого народа и отдельно взятого человека, включая культурную среду, в которую мы помещены с детства и которой пронизаны. Эта среда сильно дифференцирована на культуру высокую и низкую, элитарную и народную, утонченную и потребительскую, локальную и глобальную.

Культура отражает ход истории, как во многом и придает ей форму. Европа 1980-х годов еще представляла собой послевоенный феномен, часть мира, не только разделенного биполярной эпохой, но и сформированного Великой Победой 1945 года. Однако экономически и технологически Европа уже была глубоко вовлечена в процесс перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, от модерна к постмодерну, в том числе в области культуры. Именно в 1980 году вышла книга классика футурологии Элвина Тоффлера «Третья волна» о постиндустриальном мире¹. И все же настоящим водоразделом стал рубеж 1980–1990-х годов, когда мир после окончания холодной войны и ухода Советского Союза в историю стал превращаться в глобальный с точки зрения торговли, рыночных отношений, финансов, политики и, конечно, культуры.

¹ *Toffler A. The Third Wave. N. Y. : William Morrow, 1980.*

Ко всей Большой Европе относятся слова Э. Гуссерля, сказанные в 1935 году: «Как бы ни были враждебно настроены друг к другу европейские нации, у них все равно есть внутреннее родство духа, пропитывающее их всех и преодолевающее национальные различия»². Европейцы, наследники греко-римской и христианской цивилизаций и до, и после 1945 года воспитывались на классических примерах и произведениях эпох Возрождения и Просвещения, литературы, поэзии, живописи и архитектуры Нового времени, «золотого» для России XIX столетия. Возможно, позапрошлый век стал пиком европейской культуры, по крайней мере, в ее «высокой» составляющей. Затем европейский гуманизм был почти растоптан и уничтожен двумя мировыми войнами. Биполярный мир во многом политизировал европейскую культуру, но не полностью.

Окончание холодной войны на рубеже 1980–1990-х годов несколько сгладило противоречия внутри Старого Света, в том числе вследствие деидеологизации культуры. Одним из символов этого стало возвращение писателя Александра Солженицына в 1994 году в новую Россию, то есть 20 лет спустя после высылки писателя из СССР. Солженицын рассуждал об обновленном союзе трех славянских республик — России, Белоруссии, Украины — и Казахстана³. Другой знаковой фигурой из тех, кого выслали за антисоветские взгляды из СССР, был философ Александр Зиновьев. С 1978 по 1999 год он проживал в Мюнхене. Во многом вслед за Солженицыным траектория его взглядов развивалась от западничества к славянофильству.

После демонтажа «железного занавеса» новых культурных разломов, уже иного уровня, со временем избежать не удалось. Европа, подтверждая диагноз своей вечной внутренней противоречивости, стала местом новых разделительных линий, а западные европейцы занялись новой социальной и

² Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век : антология. М., 1995. С. 302.

³ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? // Комсомольская правда. 1990. 18 сент. № 213–214. С. 1. URL:

http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/kak_nam_obustroit_rossiyu.pdf?ysclid=137jzb6mj7.

культурной инженерией. В лице Европейского экономического сообщества, а затем Европейского союза создавался нарратив новой Европы, границы которой приравнивались к границам интеграционного проекта с центром в Брюсселе. Цивилизационные границы Старого Света исторически были подвижными — они то сужались, то расширялись, но в целом с течением времени вбирали в себя все новые и новые земли.

Но никогда до 1990-х годов не предпринималась попытка вместо цивилизационного, исторического, политического, социального и культурного пространства бывших европейских метрополий обозначать границы Европы внешним контуром постмодернистского регионального интеграционного объединения, другими словами — вначале умозрительно резко сузить европейское пространство до территории ЕС, а затем расширять «Европу» на основе сконструированных и формально узаконенных в ЕС правил. В России же возобновился давний историософский спор, в котором Россия и Запад противопоставлялись.

За своеобразием 1980-х годов в истории Старого Света последовал период иллюзий, а затем разочарований, в том числе эпического масштаба, таких как Великая рецессия или пандемия. Многие несущие конструкции современной европейской культуры стали осмысливаться именно в 1980-е годы. Не случайно француз Жан Бодрийяр опубликовал свою знаменитую работу «Симулякры и симуляции»⁴ в 1981 году, один из тезисов которой стал эталонным: «В мире все больше информации и все меньше смысла».

В течение последних десятилетий в западной части Старого Света предпринимались попытки придать европейской культуре новые смыслы. Одним из них стало представление о «новом Средневековье», которое развивал и популяризировал Умберто Эко среди прочего в работе «Средние века уже начались» (1993)⁵. В ней он полемизировал с более ранней антиутопией

⁴ *Baudrillard J.* Simulacres et simulation. P. : Galilée, 1981 ; *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М. : Издат. дом «Постум», 2015.

⁵ *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.

Роберто Вакка «Ближайшее средневековое будущее»⁶ (1971), в которой автор предсказывал отступление современной технологической эры в мрачное прошлое⁷. Сам Эко был более оптимистичен и рассматривал современность как «непрерывный переходный период», когда, как в Средневековье, задача заключалась не в консервации прошлого, а в том, чтобы взять конфликт между старым и новым под контроль и создать механизм адаптации. Эти рассуждения Эко созвучны идеям в работах других мыслителей, посвященных различным аспектам риска. Так, в 1986 году вышла хрестоматийная книга Ульриха Бека «Общество риска. На пути к другому модерну». Феномен риска изучал в своих работах о позднем модерне Энтони Гидденс⁸.

Последние десятилетия роднят ощущения европейца со средневековой темой страха, даже с ожиданием конца света, по крайней мере, окончания того мира, к которому привыкли. Такие чувства причудливым образом переплетались с периодами эйфории. Но новый духовный подъем всегда заканчивался возвращением пессимистических настроений. В 1980-е годы Европа боялась третьей мировой войны между СССР и США из-за размещения на ее территории, по обе стороны «железного занавеса», ядерных ракет. В 1986 году разразилась техногенная катастрофа в Чернобыле. Эйфория окончания холодной войны сменилась холодным душем конфликтов на постсоветском пространстве, югославскими войнами и борьбой за сохранение территориальной целостности самой России. Перестроечные иллюзии были омрачены драмами и трагедиями миллионов людей, которые оказывались не «по ту стороны» границы после распада СССР.

На рубеже тысячелетий ожидания счастливого «конца истории» сменились мрачными прогнозами «столкновения цивилизаций». Приближение в летоисчислении магической цифры «2000» одни связывали со Страшным

⁶ *Vacca R. Il medioevo prossimo venturo. Milano : Mondadori Saggi, 1971.*

⁷ О «новом Средневековье» задолго до европейских интеллектуалов последних десятилетий писал, например, Николай Бердяев в работе «Новое средневековье» (1924). Бердяев сравнивал свое время с периодом поздней Античности.

⁸ *Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge : Polity Press, 1990 ; Idem. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge : Polity Press, 1991.*

судом, другие — с «компьютерным апокалипсисом». Не успел новый миллениум начаться, как с российского на новый уровень поднялась проблема международного терроризма после «9/11». На уничтожение европейской культуры и ее физическое истребление был направлен проект так называемого всемирного халифата ИГИЛ. В 2008–2009 годах Европу сотрясла Великая рецессия, а в 2020-м — пандемия COVID-19.

Стали множиться проявления гиперлиберализма, например требование, введенное в ряде европейских стран, удалить из общественных мест и внешнего облачения человека символы веры. Тем самым с точки зрения консервативной общественной мысли, да и здравого смысла Европа лишала себя культурных корней, культурного иммунитета, становилась уязвимой перед экспансией других культур, включая фундаменталистскую часть исламской культуры. Система ценностей современного европейца все больше представляла собой деформированный, несбалансированный набор идей, среди которых доминирует не либерализм в его классическом виде, а неолиберализм в ущерб консервативным и коллективистским традициям общественной мысли и сознания⁹.

Начиная с 1990-х годов европейская культура и идентичность европейца подверглись испытаниям из-за небывалых миграционных процессов. После распада СССР несколько десятков миллионов бывших советских граждан оказались в новых государствах, в которых они стали национальным меньшинством. Особенно это коснулось более 20 млн русских. В то же время парадоксальным образом новая Россия, границы которой отодвинулись на восток, этнически превратилась в более европейское государство, чем Советский Союз, так как доля русских, в основе мировоззрения которых превалировала европейская культура, в стране резко выросла (до 80 %).

Критика идей Просвещения, побочным продуктом которых в XX веке стали сверхчеловек Ницше и общество массового потребления, звучала во

⁹ Громыко Ал. А. *Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2. С. 6–19.*

многих современных литературных произведениях, например в «Парфюмере» Патрика Зюскинда (1985)¹⁰. Книга Уильяма Голдинга «Повелитель мух», ставшая впоследствии культовой, появилась в 1954 году, но Нобелевскую премию за свое творчество писатель получил в переломные восьмидесятые (1983)¹¹. Ее смысл не в восхвалении Человека — книга не о Прометее или Икаре, а в описании человекопадения.

Другим направлением в осмыслении современного самосознания Европы стала категория империи. Так, появилась литература, посвященная Европейскому союзу как империи, в том числе с точки зрения таких элементов культуры, как идентичность и ценности¹². Отметим, что, исходя из опыта истории, империи стремились к постоянному расширению — и вглубь, и вширь. Когда они теряли способность к этому или когда расширение приводило к перенапряжению сил, начинался процесс (само)разрушения. Точно так же феномен «усталости от расширения» в Евросоюзе (*enlargement fatigue*) обозначил пределы ЕС как особой империи, даже в случае признания ее облагороженного, «неосредневекового» характера. На деле же история последних двадцати лет показала, что экспансионизм ЕС пошел по жесткому пути, когда «мягкая сила» в инструментарии его внешней политики все больше уходила на второй план, уступая место банальному принуждению и милитаризации. Но такова судьба имперского мышления, какими бы благими лозунгами его ни прикрывать.

Современная европейская культура предстает как переплетение и напластование старого и нового, премодерна, модерна и постмодерна. Из толщи истории в Европу Новейшего времени перенесена установка «Хлеба и зрелищ!», которая приняла гипертрофированный массово-потребительский характер. О подводных камнях омассовления и стандартизации культуры еще в

¹⁰ *Süskind P.* Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. Zürich : Diogenes, 1985 ; *Зюскинд П.* Парфюмер. История одного убийства. М. : Азбука, 2016.

¹¹ *Golding W.* The Lord of the Flies. L. : Faber and Faber, 1954 ; *Голдинг У.* Повелитель мух // Вокруг света. 1969. № 7–11.

¹² См., например: *Zielonka J.* Europe as Empire: the Nature of the Enlarged European Union. Oxford : Oxford Univ. Press, 2006 ; *Тэвдой-Булмули А. И.* Европейский союз как имперский конструкт. К вопросу о применимости понятия // Международные процессы. 2019. № 2. С. 91–100.

далекие 1920-е рассуждали мыслители Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и др.). Великая народная культура, сотни лет назад породившая в Европе смеховую, потешную, карнавальную культуру, в эпоху постмодерна и «цифры» почти выродилась. После распада социалистического лагеря культиндустрия захлестнула постсоветское пространство.

Христианский гуманизм с угасанием религиозности европейского общества уступал место гуманизму «общечеловеческому», происходила унификация ценностей в духе «конца истории», который в чем-то сродни свойственным религиозному мышлению ожиданиям конца света. Как раньше массово ходили в церковь, так затем массово сели перед телевизионным поп-артом — еще одним мощным орудием моральной и эстетической деградации. Постмодернистская волна омащовления культуры в виде поп-культуры ознаменовала откат культуры в своем развитии. Происходило движение вспять от науки к религии и затем к магии.

Одновременно продолжалось совершенствование технологий, а технический прогресс оставлял все меньше времени на осознание действительности. В результате вновь обретала популярность тема противостояния человека и машины. В кинематографе она ярко воплотилась в блокбастерах о беспощадных роботах-терминаторах. COVID-19 принес с собой и новую разновидность луддизма — «восстания людей против машин»: в 2020 году в Европе в страхе от пандемии современные луддиты разрушали вышки мобильных сетей 5G. В этом прослеживается и происходящий в европейском массовом сознании сдвиг от культуры потребления к постматериализму, о чем свидетельствует идеология европейских экологов и «зеленых».

* * *

Европа и европейская культура за последние десятилетия глубоко погрузились в реальность постмодернизма, возникли его новые ответвления — постпостмодернизм, транс- и постгуманизм. Гуманистические основания европейской цивилизации Нового и Новейшего времени, уходящие корнями в

Античность и христианство, сегодня соседствуют с современной массовой культурой и «цифровым» обществом со всеми их светлыми и темными сторонами.

Будет ли и дальше европейское культурное пространство испытывать фрагментацию, политизацию и в значительной степени деградацию — вопрос открытый. Сможет ли классическая культура и дальше служить его «цементирующим раствором»? Возможно ли гармоничное сочетание национальных традиций с «цифровым» миром, полным конфликтов? Кажется, что колоссальное культурное наследие Европы еще имеет запас прочности, чтобы противостоять безвкусию, примитивизации, клиповому мышлению, деконструкции высокой и народной культуры.